

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

Искусство перевода Киевской Руси

1

Переводная письменность XI—XII столетий имеет громадное значение в истории культуры русского народа. С помощью переводных произведений складывавшееся феодальное общество упрочивало свою идеологическую систему. С переводной письменностью в большой степени связано образование оригинальной древнерусской литературы. На материале переводов совершенствовался и обрабатывался древнерусский литературный язык.

Между тем по сравнению с оригинальной литературой того же периода русская переводная письменность, возникшая именно на Руси в Киевскую эпоху, изучалась недостаточно. И в прошлом переводным памятникам были посвящены лишь отдельные труды А. И. Соболевского,¹ В. М. Истрина,² М. Н. Сперанского,³ отчасти А. С. Орлова.⁴ За последние же 20—25 лет изучение древнерусской переводной письменности совершенно прекратилось, что мы можем рассматривать как крупный недочет современной филологической науки.

В настоящей статье автор ставит своей целью обратить внимание на важность отдельных проблем, связанных с изучением древнерусской переводной письменности Киевского периода, выявить круг памятников, несомненно подвергшихся переводу на Руси, уточнить представление о языковой основе древнерусских переводов, охарактеризовать язык и стиль переводов, сделанных в XI—XIII вв., а также показать их значение для развития древнерусского литературного языка.

---

¹ А. И. Соболевский. Особенности русских переводов домонгольского периода. — СОРЯС, т. 88, 1910, в. 3 (далее: Соболевский), стр. 162—177.

² В. М. Истрин. 1) Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1894; 2) Книга временных и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. I, Пгр., 1920; т. II, Пгр., 1922; т. III, Л., 1930; 3) Иудейская война Иосифа Флавия в древнем славянорусском переводе. — Ученые записки высшей школы г. Одессы (Отдел гуманитарно-общественных наук), т. I, Одесса, 1922, стр. 27—40; V. M. Istrine. La Prise de Jérusalem de Josèphe le Juif, tome premier. Paris, 1934; tome second, Paris, 1938. Более подробную библиографию см.: В. В. Данилов. Хронологический список трудов академика Василия Михайловича Истрина. — ТОДРА, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 586—593.

³ М. Н. Сперанский. 1) Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. — СОРЯС, т. 99, 1922, № 7, 165 стр.; 2) Повесть о Динаре в русской письменности. — ИОРЯС, т. XXXI, 1926, стр. 43—92. Более подробную и точную библиографию см.: В. Д. Кузьмина. Хронологический список трудов акад. М. Н. Сперанского. — ТОДРА, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 594—612.

⁴ А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков. Изд. АН СССР, Л., 1934, 171 стр.

Без сомнения, известное сообщение Повести временных лет, помещенное под 1037 г., о том, что киевский князь Ярослав «сбра письмо многы. . . и. . . прекладаше книги от грък на словенъское письмо»,⁵ следует понимать обобщенно и в более широком смысле, чем указание только на один данный год. Это, очевидно, прямое свидетельство о наличии в Киевской Руси своих переводов, независимых от славянского юга. Расширительно истолковывая указанное сообщение, мы распространяем его на весь период существования Киевского государства, с возможным предположением, что такие переводы могли производиться не только в столице, но и в других культурных центрах тогдашней Руси, например в Галиче или во Владимире в эпоху их расцвета, до татаро-монгольского завоевания.

Весьма естественно предположить, что переводы, сделанные в Киевской Руси в домонгольский период, отличаются какими-то общими для них чертами языка и стиля, благодаря которым они могут быть отделены от переводов южно- и западнославянского происхождения, наряду с ними имевших обращение в древнерусской письменности. Мы имеем право, таким образом, говорить о чертах и традициях какой-то единой древнерусской переводческой школы, так как переводы эти характеризуются общей манерой изложения, одинаковыми стилистическими приемами, хотя они, несомненно, выполнены не одним лицом и не в одно время.

2

Первым, кто обратил внимание на приведенное указание «Начальной летописи» и сделал попытку установить критерий, на основании которого можно было бы из массы памятников древнерусской переводной письменности выделить именно те, которые могли быть переведены непосредственно на Руси, был академик А. И. Соболевский. В 1910 г. он опубликовал статью «Особенности русских переводов домонгольского периода», в которой ставил вопрос, «как отличить переводы, сделанные в домонгольской Руси, от переводов, сделанных у южных славян, и что можно считать переведенным на Руси?»⁶

Как правильно полагал А. И. Соболевский, основная трудность решения поставленного им вопроса заключается в большей или меньшей однотипности языка во всех письменных памятниках, сохраненных в рукописной традиции древней Руси, независимо от места и времени их происхождения.

Можно согласиться с названным исследователем также и в том, что по существу язык переводных письменных памятников совпадает и с тем языком, на котором писались такие оригинальные произведения древнерусской литературы, как летописи, жития Феодосия Печерского, Бориса и Глеба, слова Кирилла Туровского и даже «Слово о полку Игореве».

Ввиду указанной однотипности языка во всех без исключения переводных памятниках порою бывает очень трудно отличить переводы, сделанные на Руси, от переводов иного происхождения, особенно в тех случаях, если произведения невелики по своему объему. Однако, по мнению А. И. Соболевского, мы всегда имеем возможность отличить такие переводы тогда, когда произведение имеет более или менее значительный объем.

В качестве критерия, которым следует руководствоваться в данном случае, А. И. Соболевский справедливо признает не признаки фонетики и

⁵ Повесть временных лет, ч. I. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 102.

⁶ Соболевский, стр. 162.

морфологии, которые могут быть использованы лишь в виде незначительных исключений, а данные лексики в языке переводных памятников. Словарный материал перевода, по мнению этого исследователя, имеет особо важное значение для определения того, где именно мог быть сделан перевод. При этом выделяются четыре группы слов, могущих быть показательными в указанном отношении.

Первую группу составляют слова, славянские по происхождению, но имеющие специальные значения: названия должностных лиц, денежных единиц, мер веса или расстояния, названия судов, одежд, напитков и других предметов быта, характерных именно для восточных славян. Сюда относятся такие слова, как «посадник», «староста», «гривна», «куна», «капь», «резана», «насад», «кожух».

По мнению А. И. Соболевского, большая часть таких слов совсем не встречается в старославянских памятниках, происходящих из стран славянского юга; меньшая часть их может иногда встречаться, но в других специальных значениях. Так, слово «гривна» может быть в значении «ожерелье», но никогда не употребляется в качестве названия монетной или весовой единицы. Слово «пиво» может быть встречено в южнославянских по происхождению памятниках лишь в значении «напиток вообще» и не употребляется, как в памятниках русских, в значении определенного хмельного напитка.

Ко второй группе А. И. Соболевский отнес слова, заимствованные русским языком из других языков, в том числе и из греческого, но изустным путем, минуя влияние церковнославянской письменности. Указанные слова могли употребляться в самых разнообразных значениях, например: «тиун», «шолк», «плуг» (из германских языков), «женчуг» (из китайского языка через тюркские), «сабля» (из тюркских языков), «уксус», «скамья», «кадь» (из греческого языка), «керста» или «корста» (ящик, гроб), «пья» («парус» — из финских языков) и др.

В старославянском языке этим словам соответствовали другие слова: «плуг» — «рало», «женчуг» — «бисър», «уксус» — «оцѣт» и т. п. Слова этой группы также обычно неизвестны в текстах южнославянского происхождения.

К третьей группе относятся названия стран, городов, народов, хорошо известных восточным славянам и неизвестных или мало известных у южных славян. Названия эти обычно отличаются от названий, свойственных греческой традиции. Сюда относим такие названия, как «Кърчева», «Сурож», «Суд» (пролив), «мурманин» (норманн, варяг), «обез» (абхазец, грузин) и др.

К четвертой группе слов могут быть отнесены такие слова, которые или совсем не встречаются в памятниках южнославянского происхождения, или встречаются в них чрезвычайно редко и которые вместе с тем находятся обычно в памятниках заведомо русского происхождения или до сих пор звучат в современных русских народных говорах: «хвост», «глаз», «пирог», «ковер», «думати» (держат совет); такие словосочетания, как «учити грамоте», «в ть чин» (в то время) и т. п.

К этим словам А. И. Соболевским присоединены и те немногие слова, значение которых в текстах, несомненно русских по происхождению, одно, в текстах же, по происхождению южнославянских, другое: село (в древнерусском «селение», в южнославянских языках «поле»), сено (в древнерусском «сухая трава», в южнославянских «трава» (вообще)), скот (в древнерусском не только «скот», но и «деньги», в южнославянских в значении «скот», «животное»), лаяти (в древнерусском в значении «брехать (о собаке)», «бранить», «ругать (о людях)», в южнославянских

в значении «подстергать»), страдати (в древнерусском не только в значении «испытывать страдание», но и в значении «работать», «трудиться») и др.

Критерий, выдвинутый А. И. Соболевским, может быть признан в общих чертах правильным, хотя в отдельных частностях нуждается в некотором уточнении. Так, наличие того или иного слова в словаре Ф. Миклошича еще не дает основания считать данное слово старославянским или южнославянским. Во-первых, Ф. Миклошич использовал не только собственно старославянские, но и русские лексические материалы через словарные записи Х. Востокова, Ф. И. Буслаева и др. Во-вторых, в его словаре широко представлена лексика, взятая из южных памятников, как «Пролог», «Кормчая» и др., которые являются по своему происхождению русскими и попали в южнославянские языковые области в конце XII—начале XIII в., переписывались там с русских оригиналов и тем самым способствовали внедрению руссизмов в письменный язык южных славян. Должен быть уточнен также вопрос об исключительно русской принадлежности того или иного слова, возможно имевшего более широкий круг обращения в славянских языках. Однако эти проблемы трудно решить при слабой разработанности исторической лексикологии, и поэтому пока, условно и с соответствующими оговорками, критерий А. И. Соболевского может быть принят как рабочий прием.

Согласно указанному лексическому признаку, А. И. Соболевский выделил до двух с половиной десятков переводов, которые, по его мнению, должны быть отнесены к сделанным на Руси в домонгольский период. Среди отмеченных Соболевским переводных произведений должны быть названы в первую очередь такие, которые не имеют узко церковного значения, содержание и стиль которых поэтому обогащали общекультурный кругозор древнерусского общества. Сюда относятся: Житие Андрея Юродивого, сохранившееся в списках XIII—XIV вв. и отразившееся в начальной части Киевской летописи. Как памятники, безусловно светские по стилю и содержанию, далее должны быть названы: «Космография» («Христианская топография») Космы Индикоплова, «История иудейской войны» Иосифа Флавия, «Пчела», «Александрия» Псевдокаллисфена, «Сказание о создании храма св. Софии в Царьграде», «Физиолог» так называемой второй редакции, книга «Эсфирь», апокрифическое житие Моисея «Исход Моисея», апскрифические сказания о Соломоне («Соломон и Китоврас», «Соломон и царица Савская», «Сказание о подземном человеке», «Суды Соломона»), «Повесть об Акире», «Повесть о прекрасном Девгении», «Сказание о царе Адарiane», «Сказание об Иверской царице Динаре», «Сказание о 12 снах царя Шахаиши». К этому же списку А. И. Соболевский склонен был отнести также древнейший перевод «Пролога». Что касается «Хроники» Амартола, то А. И. Соболевский, в противоположность В. М. Истрину, склонен был считать перевод не русским по происхождению, а болгарским, лишь отредактированным в более позднее время на Руси.

Приведенный список должен быть пополнен отдельными произведениями, которые остались неизвестными А. И. Соболевскому. Так, необходимо назвать книгу «Иосиппон», т. е. еврейское хронографическое произведение, охватывающее исторические события до разорения Иерусалима Титом. Эта книга сохранилась в разрозненных частях в составе различных компилятивных повествований, как «Плены Иерусалимли», «Взятие Иерусалиму третья Титова» по второй редакции «Летописца Еллинского и Римского». Часть этого перевода введена в качестве цитаты в текст По-

вести временных лет под 1110 г.⁷ Относительно отдельных произведений, как например «Повесть о царице Динаре», должна быть уточнена датировка и рассмотрен вопрос об их самобытности.⁸ Однако в целом цикл древнерусской переводной письменности, намеченный в труде А. И. Соболевского, мы должны считать в общих чертах правильным.

Более пристальное изучение языка и стиля переводов позволяет поставить проблему, которая до сих пор предполагалась решенной сама собою. С какого языка делались переводы? Доверяя буквальному указанию Повести временных лет, А. И. Соболевский, как и другие исследователи, занимавшиеся этим вопросом, считали само собою разумеющимся, что переводы делались только с греческого языка. Между тем язык таких переводов, как книга «Эсфирь», а также книга «Иосиппон», сказаний о Соломоне, о Моисее, о царе Дариане и ряда других доказывает их непосредственную зависимость не от греческого, а от древнееврейского оригинала. В этом убеждают как отдельные слова, оставленные в тексте без перевода, так и транслитерация собственных имен и географических названий, главное же — характерные синтаксические гебраизмы, там и сям вкрапленные в язык перевода.⁹

Наряду с довольно обширным кругом произведений, переведенных с древнееврейского языка, следует остановиться на «Повести об Акире», оригиналом которой, по всей видимости, следует считать сирийскую версию этого широко распространенного в мировой литературе сюжета. В свое время, в 1913 г., А. Д. Григорьев, впервые издавший древнерусский текст «Повести», высказал предположение о том, что перевод был сделан с сирийского языка;¹⁰ Н. Н. Дурново в 1915 г. не поддержал, но и не опроверг этого предположения.¹¹ Другие исследователи высказывались за греческий оригинал. В нашем распоряжении имеются материалы, которые подтверждают предположение А. Д. Григорьева о сирийском языке оригинала. Один из героев «Повести» назван в древнерусском переводе Синагрипом, царем «Адорским и Наливским», т. е. царем Ассирии и Ниневии; это может быть объяснено только из особенностей сирийской палеографии (шрифт «эстрангело»), в которой буквы «нун» и «лямед» имеют сходное начертание и отличаются друг от друга только по длине основной вертикальной, полунаклонной влево черты.

Возможно, что более пристальное исследование позволит вскрыть переводы с других восточных языков, в частности с языков народов Кавказа, грузинского и армянского; возможно, с грузинского была переведена повесть «О царице Динаре». Это наблюдение значительно расширяет наши представления о лингвистическом кругозоре Киевской Руси, о широте взглядов и мировоззрения русских переводчиков.

3

Перейдем к анализу языка и стиля переводов. В качестве примера мы привлекаем перевод «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, так как

⁷ Н. А. Мещерский. 1) Отрывок из книги «Иосиппон» в «Повести временных лет». — Палестинский сборник, в. 2 (64—65). Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 58—68; 2) К вопросу об источниках «Повести временных лет». — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 57—65.

⁸ Л. С. Шепелева. Культурные связи Грузии с Россией. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 308—310.

⁹ Н. А. Мещерский. К вопросу об изучении переводной письменности Киевского периода. — Ученые записки Карело-Финского педагогического института, т. II, Серия общественных наук, в. 1. Петрозаводск, 1955, стр. 198—219.

¹⁰ А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. М., 1913.

¹¹ Н. П. Дурново. Материалы и исследования по старинной литературе, I. К истории повести об Акире. М., 1915.

он, бесспорно, сделан в Киевской Руси и так как это наиболее обширный по объему и разнообразный по содержанию памятник. «История» не принадлежала к числу церковных вообще, ни тем более собственно богослужбных книг, при переводе которых с греческого на церковнославянский текст передавался буква в букву с соблюдением того же порядка слов, тех же синтаксических конструкций, что и в греческом оригинале. Светское содержание переводимого текста допускало значительно большую свободу для переводчика. Он стремился не к буквальной передаче текста, а напротив, главным образом к тому, чтобы сделать его содержание более доступным, понятным, интересным и даже увлекательным для своих древнерусских читателей, приблизить его по возможности к их понятиям и запросам.¹² Словом, переводчик был не рабом, а соперником автора, творчески пересоздавал его произведение и подчинял все его положения своей основной идее. Свобода перевода, таким образом, связывается с высоким литературным мастерством, свидетельствующим о незаурядных дарованиях переводчика как художника слова и о высоком уровне развития русского литературного языка того времени.

Свобода перевода и литературное мастерство переводчика проявляется в следующем: а) естественный порядок слов, независимый от порядка слов оригинала; б) конкретизация общих отвлеченных понятий; в) художественное распространение описания, преимущественно боевых эпизодов; г) приспособление к русским пониманиям того времени к насыщению особенностями русского быта; д) внесение прямой речи и диалога взамен косвенной речи и повествования о событиях в оригинале; е) широкое использование метафор, сравнений и развернутых образных выражений, не имеющих соответствия в греческом тексте; частое применение фразеологических средств русского языка; ж) эмоционально насыщенные описания природы, данные гораздо ярче и красочнее, чем в оригинале; з) использование звуковой организации речи, рифмы и ритмического членения фраз.

Рассмотрим отдельно каждую из отмеченных сторон стиля, характерного для древнерусского перевода «Истории иудейской войны».

Для того чтобы судить о свободе древнерусского перевода по отношению к греческому оригиналу в смысле построения предложений в порядке слов, достаточно сравнить точный подстрочник любого места из любой книги «Истории» с его древнерусским текстом. Так, например:¹³ кн. III, гл. V (подстрочник с соблюдением расстановки слов греческого подлинника): «Когда в Иерусалиме о иотапатском несчастье было узвано, то сначала не верили многие и ради размеров бедствия, и ради того, что никто из говоривших очевидцем не являлся, ибо не спасся ни один вестник, но сама собою распространялась молва, которая обычно разносит всякое несчастье». То же в древнерусском тексте: «Бывши вести в Иерусалиме [о] иотапатстеге страсти и о пленении, не яша веры величества реди вещи, зане не бысть человека, иже бы очима своима видел, не утече бо ни один вестник, но сама весть проповедаше».¹⁴ Кн. IV, гл. I, ч. 2: «Таким образом по природе неприступный город он сделал еще более неприступным, укре-

¹² См. подробнее: Н. А. Мещерский. «История иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М—Л., 1958, стр. 64—91.

¹³ Сравнения с греческим текстом «Истории иудейской войны» делаем по изданию Б. Низе: Flavii Josephi opera edidit et apparatus critico instruxit Benedictus Niese. Volumen VI. De bello Judaico libros VII ediderunt Justus a Destinon et Benedictus Niese. Berolini apud Wiedemannum MDCCCXCIV (1894).

¹⁴ Древнерусский текст перевода «Истории иудейской войны» приводим по списку Виленского хронографа (рукопись Библиотеки Академии наук Литовской ССР № 109 (147), лл. 500—736).

пив его подземными ходами и окопами». То же в древнерусском тексте: «И тако сущю твердо граду тому, Иосиф боле утверди: създания и трубы, и пещеры устрои, како бы лзе землею ходити». Кн. V, гл. I, ч. 6: «И теми постройками из неблагочестиво добытого материала одолеть надеялся он врагов, но бог щетным его труд показал, прежде чем стать кому-либо на башни, приведа римлян». То же в древнерусском тексте: «И тем беззаконным строением уповаше победити враги, бог же труд его суетен показа и приведе Тита с римляны прежде начатия боя».

В приведенных примерах заметно стремление переводчика конкретизировать изложение событий. Это можно подтвердить и еще более яркими образцами. Кн. IV, гл. VIII, ч. 1: «В то время в галльском стало известно двужени и, где Виндеко вместе с туземными владетелями отложился от Нерона, о чем более точно другими написано». Ср. в древнерусском тексте: «И тогда приде вестник Еуспасиану о галатийсте воздвижении, како Уиндикс преврати к себе властелины, и заратишася с Нероном». К Веспасиану приходит конкретное лицо — вестник; Виндекс привлекает на свою сторону вельмож, и потом они уже все вместе встают против Нерона.

Еще: кн. VII, гл. II, ч. 1: «[Веспасиан] из Ионии направился в Элладу, а оттуда, от Ксркиры в мысу Еапигии, откуда уже по суше продолжал свое путешествие». Ср. в древнерусском: «И от Ону преплы к Еладе и оттуда к Керкиру, а потом ко Агипиа. И ту вошед из огар, и нача на коних путешествиевати». Здесь все совершенно конкретно; переводчик видит перед собой изображаемые события и действия описываемых лиц: Веспасиан, приплыв к берегам Италии, высаживается из гребных судов, доставивших его туда, и далее совершает свой путь уже верхом на конях.

Таким образом, творческая инициатива переводчика сказалась не только в сокращениях и добавлениях, но и в полной стилистической переработке всего текста «Истории», в превращении ее из собственно исторического произведения в поэтическую повесть. Особенно отчетливо это проявляется в описаниях картин боя, здесь переводчик чувствует себя вполне в своей стихии, нераздельным хозяином изображаемого материала. Вот описание боя иудеев с римлянами во время осады Иотапати: кн. III, гл. VII, ч. 4: «И наутрия, вышедше на римляны велми крепле, обретоша же ся противни крепльше их. До пятого дьне бишася. (И бысть видети дом копиинны, скрежетание мечное, и щиты ископаны, и мужи носими, и землю напоиша кровии). А ни иудеи римлян устрашивахуся, ни римляне трудяхуся, зряще твердости града». Словам, взятым в скобки, нет соответствия в греческом.

В другом месте (кн. VI, гл. II, ч. 8) читаем: «Римляне же, очютивше пришествие их, притекша скоро и възбраниша им преити обрытие, и въставиша крепку сечю и много храбрьство показаша межи собою зане римляне сильнейше и искуснейше на рати суть, иудеи же, не щадаше себе, прярившееся (акы слепи) скакаху, ищуще сечения, да тем избавятся от лютаго мучителя, глада. Воевода же биста имъ: иудеом нужна и алчба, а римляном срам, аще попустять иудеи на ся, акы от сетии (от тенета)». Слова, взятые в скобки, и в данном случае внесены древнерусским переводчиком. Мы можем заметить, что именно они придают всему рассказу яркую и конкретную образность.

Описания боевых столкновений всегда носят эпический характер; так, например, кн. V, гл. VII, ч. 3: «Ни едины же длъго гоняху, но мало побегываше, възвращахутся и, гоняще, и скоро побегняху». В греческом здесь стоит только: οὐδέτερος οὐτε φυγῆς, οὐτε δεωξέως μῆκος εἶναι, т. е. «ни для одной стороны ни бегство, ни преследование не были постоянными». Или: кн. V, гл. XI, ч. 6: «И снемшимся полком, прах

очима не дадеше видети, ни ушима слышати кличь, ни мощно познати своего или супостата». Или еще: кн. V, л. VII, ч. 3: «И не одолеваше труд ни сим ни онем, и бысть стенобитье и снятие (схватка) по вся дньи, и выростание (вылазки) и ломление оружиею, и скрежетание меча, и вопль до облак, озем стеноющим и рыдающим, озем же хвалящимся. И несть образа ратного, иже не явися ту».

Картины боя даются в стиле, очень близком к описаниям русских летописей. Например, кн. VI, гл. II, ч. 6: «Потом же, и мечи изламаше, и руками начаша битися, и всяко обретаемое оружие бысть обретающемуя»; или кн. III, гл. VII, ч. 23: «И камень меташу пороками, сулицы, из лук пушаемы, шумяшу»; или кн. III, гл. VII, ч. 22: «И бысть видети падающе жиды, акы снопы со забрал»; или кн. II, гл. VII, ч. 19: «И стрельцем стреляющим и суличником сулицами сующим, и порочником камней пушающим, и не смеюще юдеи стати на забралах»; или кн. III, гл. VII, ч. 9: «и сулицы, из лук пушаемы, шумяще, стрелы помрачиша свет».

В подобных же эпических чертах даются описания поединков и доблестных поступков отдельных римских и иудейских воинов. Например, о подвиге римского сотника Иулиана (кн. VI, гл. I, ч. 8): «убодену же бывшу коню его, сеи же творяше пеш, яко же и на кони скача, яко и демон... иудеи же, обступльше и купно, пободоша оружии, и копии, и окшевами (топорами), и каменiem бияху, и дровом, хотяще симь единемь вся римляны устрашити»; или о храбрости иудея Ионафана, вызвавшего на единоборство римлян (кн. VI, гл. II, ч. 10): «яко несть в вас, иже со мною с единемь битися!». Когда ему удастся свалить своего противоборца, он «наступи на труп его, и, кровавым мечем махашет, скача и пляша радостно, акы все римлян убив. И кричаше на всех, акы кличем хотя снести я».

Постоянны в переводе такие излюбленные летописные выражения, как «добыти копиемь», т. е. взять город штурмом (кн. IV, гл. VIII, ч. 3): «Ть же град Исус, Наввин сын, воевода еврейский, добы копием первые от Хананьские земли»; «вдати на щить»; «плечи даша» (в греческом *ὑπόδειξα τὰ ὦτα* — «показали тыл»); «Зане же не обычай им есть обратити плещи, когда побежени суть, но тихо отступают, тако не знати бегания их». Замечательны выражения «к смерти челом идут» (кн. VI, гл. I, ч. 5), в греческом «презирают смерть», или «челомь ити к железу акы зверь» (кн. IV, гл. I, ч. 6). Выражению «оставиша игемона своего во устех брани» (там же) имеет соответствие в греческом лишь *ἐν τοῖς κινδύνοις ἐγκαταλιπεῖν*, т. е. «в опасностях покинуть». Приведенные воинские выражения были для того времени, когда создавали перевод, выражениями обычными и общенародными, знакомыми для каждого соприкасавшегося с воинскими подвигами, столь частыми тогда в дружинной среде.

Подобные выражения можно встретить и в Повести временных лет, и в Киевской и Галицкой летописях, и в «Слове о полку Игореве». Трудно определить, что при этом служило для них источником: попали ли они из «Истории» в летописи или, наоборот, переводчик, хорошо знакомый с летописным стилем и способом выражения, украсил ими свой труд. Во всяком случае мы можем с уверенностью сказать, что перевод «Истории» и указанные древнерусские воинские произведения — современники, они созданы людьми одной эпохи и одной среды, литературными деятелями, которые жили одними и теми же общественными интересами, проявляя одно и то же воспитание чувств, принадлежали к одной и той же писательской школе в период расцвета русской литературы в пределах Киевского государства.

Понятия и предметы, о которых идет речь в «Истории», как правило, передаются названиями предметов и понятиями, характерными для русского общества и быта раннефеодальной эпохи. Понятиям «друзья», «товарищи» (греч. οἱ ἑταῖροι, οἱ φίλοι) всегда соответствует «дружина», «вернейшая дружина». Ироду вложено в уста такое изречение: «Мятеж гнев ражает от дружиння безумия», чему в греческом соответствует только «ссоры и дрязги происходят от злонамеренности окружающих» (кн. I, гл. XVII, ч. 5).

Постоянно в переводе встречается слово «честь» в полном соответствии с понятием феодальной чести. Это слово вставляется переводчиком на месте греческого εὐφρομία «радость»: «И сретоша сѣфаряние съ честью и с похвалою» (кн. II, гл. XVIII, ч. 11), или в том месте, где в греческом тексте этого понятия вообще не выражается: «Боюся же, яко тѣи хошетъ огнусити чьсть мою» (кн. I, гл. XXXII, ч. 2). В греческом только: «Я опасался, чтобы ты не возненавидел меня за судьбу мою». Понятие чести связывается с наградами или угощениями при воспевании славы кому-либо: «Агриппа же възва Успасиана в свою власть на чьсть и на славу» (кн. III, гл. X, ч. 7).

Римское пожалование (δόσις) также объясняется в переводе понятием чести: «И повеле (Клавдий) властелем своим, да испишуть в книгах медяных чьсть всю и возложить на Капетолию, да явлено будет и последним родом, каку чьсть приа Агрипа от Клавдия» (кн. II, гл. XI, ч. 5). В греческом при этом имеем только: «Он приказал сенаторам, чтобы они повеление о пожаловании, вырезав на медных досках, выставили в Капитолии».

Словом «чьсть» передается и греческое понятие γέρας, т. е. «какая бы то ни была награда вообще»: «И съ (Симон, сын Гиоров) заповеда рабом свободу, а свободным чьсть» (кн. IV, гл. IX, ч. 3); в греческом: «обещающая рабам свободу, а свободным награду».

Вместе с тем греческое τιμή — «честь», употребленное в подлиннике в смысле, не отвечающем понятию феодальной чести, переводится другим русским словом — «глум»: «и умучени быша (пленники) на глум цесарев» (т. е. «на потеху цесаря»), чему в греческом соответствует: «множество иудеев подвергнув наказанию в чьсть его» (кн. VII, гл. III, ч. 1). Как и в летописях, в переводе «Истории» часто упоминается о пении народом похвальных песен при встрече победителей: «И абие (Ирод) постиг Иезекия, начальника разбойникомъ, губящая окръстная Сурия, и того ем, изби вся силу его. Тем же и песни пояху ему по сурьскимъ градомъ» (кн. I, гл. X, ч. 5). Этому в греческом соответствует лишь: ὁ δὲ μάλιστα τοῖς Σύροις ἤγειτο κευχαρισμένοις, т. е. «этим он сделал сирийцев весьма признательными себе».

Постоянны в переводе значительно более распространенные, чем в греческом оригинале, похвалы, расточаемые храбрости, доблести воинов.

Понятие «отцовское наследство», «отцовское царство» всегда передается сочетанием «отънни стол» (например, кн. II, гл. II, ч. 5, и др.). Заседание суда в присутствии царя описывается в духе русских феодальных обычаев: «Сам же седя на высоце престоле, а Царь посторонь его на нисшем» (кн. I, гл. XXXII, ч. 1; Царь-Вар — имя римского правителя Иудей). Ср. также: «на злате столе седя» (кн. II, гл. II, ч. 7) и «нарече и достойна отеческого стола» (там же).

Окружающие царя, полководца или начальника советники называются «думцами», советоваться с ними, собирать совещание всегда передается сочетанием «думати с кем-либо»: «Анан бо думал с людми своими» (кн. IV, гл. III, ч. 14) или «Елиазар, Симонов сын, и Захария Фалеков

с людьми думаема, что достоинь сътворити» (кн. IV, гл. IV, ч. 1). Знатные и богатые приближенные царя называются боярами. Понятие присяги всегда передается древнерусским «рота»: «И полкы, и народ заведе роте, да бьются по Успасиане» (кн. VI, гл. X, ч. 6), «не могуще датися роты деля» (кн. VI, гл. VII, ч. 2). Постоянны в переводе слова и выражения, связанные с обозначением предметов, относящихся к военным сооружениям и укреплениям, к доспехам и вооружению, к дружинному быту и укладу, слова те самые, которые постоянно употребляются в летописях, «Слове о полку Игореве», слова, характерные для Киевской Руси. Нижняя внешняя часть укрепления называется «острог», а верхняя внутренняя — «детинець»: «Пустиша и жити в острог с своими женами и отроки, сами же пребываху в детинци» (кн. IV, гл. IX, ч. 3). Постоянны в переводе такие слова, обозначающие военные сооружения, как «забрала», «приспы», «шатры», «чела», «комары», «стълпы» и др. Систематически употребляются термины дружинного убранства и вооружения: бронѣ, шеломи, мечи, сабли, копия, пороки (пращи), луки, тулы, сулицы, стрелы, трубы, хоругви. Наряду с дружинной часто употребляется и церковная терминология; предметы культа римской эпохи всегда обозначаются словами, характерными для русского церковного быта того времени. Так, словом «църквѣ» обозначается всегда храм, не только иерусалимский, но и всякий языческий. При перечислении добычи, попавшей в руки Иоанна Гисхальского при захвате им храма, говорится: «и много от служебных сосуд разби, и отданаа богови различна дискоси, потир и трапезы» (кн. V, гл. XIII, ч. 6). Те же предметы перечисляются как переданные Титу после сожжения храма перешедшим на его сторону священником Иисусом: «и раскопав стену, и выня два светильника злата, и трапезу, многы и потиры, и дискосы, и фиалы, вся сухим златом устроена и толсты» (кн. VI, гл. VIII, ч. 3).

Не оставляет переводчик при описании событий и других более мелких, но не менее характерных подробностей быта. Вот как описывается проникновение римских лазутчиков в осажденный иудейский город: «Другыи же сотник, именем Гал, 18 воин с ним, при том мятежи внидоша в некую храмину и ухранишася под лавицами. И господарем же пришедшим, и при вечери, восповестившимся, в людскую думу проявившим, они же, лежаще под лавицами, слышаша. И онемь спящим, нощию вышедше, убиша все и бежаша ко обрытию» (кн. IV, гл. I, ч. 5). В греческом тексте нет и речи о прятании под лавками, переводчик же не спускает два раза упомянуть об этой столь характерной для русского быта детали. В другом месте книги не свойственное русской природе животное — «онагр» — переводчик заменяет названием обычного лося.

Большая живость изложения достигается в переводе через всегда проводимую замену косвенной речи оригинала прямой. Действия, о которых столь сухо сообщается в подлиннике, в переводе тоже часто сопровождаются речами действующих лиц. При этом речи обычно кратки, энергичны, эмоционально насыщены. По стилю они очень напоминают речи героев русских летописей. Благодаря такому оживлению повествования читатель не только может ярко видеть перед собой действия изображаемых людей, но и слышать их говорящими. Вот идумеи, при поддержке зилотов одержавшие верх над сторонниками римлян в Иерусалиме, в ярости убивают вождей этого направления — первосвященников Иоанна и Иисуса. В греческом тексте добавлено, что «став над трупами убитых, они потешались над попечениями Иоанна о народе, как и над речью Иисуса, произнесенной им со стены». Вместо этого в древнерусском тексте читаем: «И стояще над трупома его, поругахуся има и глаголюще над

Ананом: И въ истинну приятель еси Иерусалиму и народу, и подобен еси (ты достоин) чьсти, ею же еси почтен! А над Исусомъ реша: Речист еси и веломудр, и много трудился, молвя с забрал. А ныне почивай!» (кн. IV, гл. V, ч. 2). Сцена военного совета в лагере Тита перед решительным штурмом Иерусалима тоже передана в драматизированной форме. В греческом тексте рассказывается, что Тит созвал военный совет, причем «более горячие из предводителей были того мнения, что следует всем войскам сразу делать приступ на стены, из более рассудительных одни — опять строить валы, другие же — продолжать осаду без валов, а только наблюдать за тем, чтобы жители не могли покидать города, ни получать припасов извне, и таким образом заставить неприятеля сдаться». В древнерусском переводе этого места читаем: «И потом Тит думаше с игемоны, глаголя: Приспы, ими ж надеяхомся взяти град, истлешася (погибли), и воины опечалишася, зане велик труд их в един час погиге. И разумею, яко мнози отчаявшася взяти града сего! Ему же и юнеишии отвещаша: Да приступим к стенам на купь, и не терпят иудеи нашего пришествия, погрузят бо ся нашими стрелами: А средовеции (люди среднего возраста) реша: Подобае еще иные приспы делати в иных местех и всю силу приставити, и заградити иудеом выход! Стариин же реша, яко доистинно обрываеть окръст града и не дати иудеом выходити или на травоимание, или на ино что, а руками не сниматися (не вступать в рукопашную). Непобедимо бо ест отчаяние их. А въскую бьемся с ними, им же молятся от железа смерть приати? Аще же оседим окръст их, или от глада измруть, или вдадутся!» (кн. V, гл. XII, ч. 1). В этом отрывке, как видим, каждое из мнений не только выражено в форме прямой речи, но и приписано участникам совещания, исходя из возрастного их подразделения: горячие — юноши, благоразумные — люди среднего возраста, осторожные — старики.

В драматической же форме передан в переводе и судебный процесс. В 4-й части главы V книги IV «Истории» рассказывается об обвинении, которое зилоты возвели на знатного и богатого человека, Захарию, сына Варуха. Желая его осудить, они для формы приказали созвать семьдесят находившихся в должностях судей простых граждан судилища, которое, конечно, совершенно было лишено авторитета, и здесь обвиняли Захарию в том, что он хотел предать город римлянам и с этой целью послал уполномоченных к Веспасиану. Обвинение не подкреплялось ни свидетельскими показаниями, ни какими-либо другими доказательствами, но они утверждали, что вполне убеждены в этом, и считали, что этого одного достаточно для установления истины. В древнерусском тексте рассказанное передается таким образом: «И тогда Захария, сын Варухов, муж преславен и богат, не терпя убийства и въздерзну обличити их и глаголати на них, яко же время вдасть. И они, хотяще и сего убити, и поставиша судище, и собраша 70 муж от старец, и вдаша им власть судити, поручающеся им. И сами они, ставше перед 70 с Захарею, пряхуся с нимь, глаголюще, яко ть предать град римлянам. Судия же рекоша: Кто обличитель или которое знамение? И ревнителя отвещавше: Мы ведоци тому, мы же послуси, и нам веру имете. Судии же рекоша: Не имем веры вам, зане противнии есте».

Не менее выразительны были в тексте перевода посольские речи и доносения. Так, в кн. IV, гл. IV, ч. 1 передается содержание грамоты, которую осажденные в храме зилоты послали к своим союзникам — идумеям. Вот содержание их письма: «Анан прельсти люди, предать римляном митрополию. Мы же, разлучившиися от них свободы деля, и ныне, затворени, седим внутрь църквы, и стражие окръст нас стоять. Мало время

остаётся нам на избавление. Аше вы не поможете нам скоро, то мы будем под Ананом и врагом нашимъ, а град под римляны».

В книге II (гл. III, ч. 1) рассказывается о донесении, которое наместник в Сирии Уар (Вар) послал императору Августу, о начавшемся в Иудее восстании: «Принесоша еписистолю от Уара, сурьского строителя, яко иудеи на рать въздвигаются, не хотяще быти под римскою властью, а промышляи!» Все эти места, а также многие другие, которые невозможно процитировать за недостатком места, неопровержимо доказывают явную стилистическую близость между «Историей» и летописями и в отношении искусного и умелого построения прямой речи. Живость и убедительность рассказа достигается также и богатой образностью речи, которой насыщен перевод. Метонимической параллелью к слову «труд» постоянно выступает слово «пот», порой употребляемое и в сочинении с последним: «римляне же толик пот приемше» (кн. VI, гл. VII, ч. 5), «римляне с великимъ потом и трудомъ ставляху дела» (кн. VI, гл. II, ч. 7). Вместо того чтобы сказать, что Веспасиан по необходимости принял бремя правления, переводчик пишет: «яко сам подлезл под ярем игемонский» (кн. VI, гл. X, ч. 6). Метафорическое употребление греческого слова *θηρ* (зверь) всегда в древнерусском переводе заменяется словом «зми». В книге I (гл. XXXII, ч. 2) Ирод, обращаясь к суду вельмож, так характеризует злодеяния своего сына Антипатра: «Се же съкровенныи змии, насытився моихъ благодеянии и преврати на мя свою сытость, и мои живот стосну ему, и старостию моею тяжко ему бысть, и не стерпи цесарьствовати добромъ, нъ оцубиствомъ» (т. е. «Этот непотребный зверь, переполнившись моим терпением, обратил на меня свою сытость. Моя жизнь показала ему долговременную, и моя старость его обременила; он же не рассчитывал сделаться царем иначе, как через отцеубийство»). Далее, обращаясь к римскому наместнику Вару, тот же Ирод говорит: «Уаре, ты блюдися от него, аз бо велми вем змея» (т. е. «И тебе нужно остерегаться, Уар, ибо я знаю этого зверя»). Бедствие вообще (греч. *τὰ κακά*) передается в переводе выражением «змиевы злобы».

Метафоры в переводе очень часты и в громадном большинстве случаев независимы от греческого оригинала: «правда стонет», «глад приползе» «огню полозити», «брань над главою стоит». Краткому греческому выражению: «побросав оружие, они (протигивники Иосифа) обратились в бегство» (кн. II, гл. XXI, ч. 5) в древнерусском соответствует образное фразеологическое сочетание: «и тако ужас възложи на люди, яко, пометавши оружие, разбегошася, камо кого очи несяшета». Последнее идиоматическое выражение полюбилось переводчику, и он несколько раз применяет его разнообразными вариантами: «камо кого нужа влечаше» или «кто камо видя». Ср. с этими образными словосочетаниями использование аналогичной русской идиомы в памятнике XV в. — «Хожении за три моря» Афанасия Никитина: «а кой должен, а тот пошел, куды его очи понесли»¹⁵ В речи Елеазара (кн. VII, гл. VIII, ч. 6) поражает своей образностью широко развернутая метафора: «И еще бо звенят прегрешения наша в ушню всех, мню же, яко и по нас будет сеи звон, им же есмы длъжни и мечь прияти». Смерть на поле брани обычно называется «суд»; например: «и инемъ оружиемъ и рукама одолеваша ему, но судъ предаст его» (кн. VI, гл. II, ч. 10) или «и тогда падеся судомъ» (кн. VI, гл. I, ч. 6). Оригинальны и разнообразны многочисленные сравнения, которых также почти совсем нет в греческом подлиннике. Так, например: «Четыре камени вывалиша на места великыа, акы горы» (кн. VI, гл. I, ч. 3); в Галилее

¹⁵ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 332.

«грады часты и села, акы звезды» (кн. III, гл. III, ч. 2); от голода в осажденном Иерусалиме «уноши же и отроковице опухше, вертяхуся, акы идолъ и акы стени» (кн. V, гл. XII, ч. 3); умирающие от голода в Иерусалиме «падаху, акы листвие, пакы песок» (кн. VI, гл. III, ч. 3); «Вои же, по обычаю облъкхесея во оружие, акы стени, поидоша» (кн. V, гл. II, ч. 1); «Июдеи же ристаху клечуше, акы зверие» (кн. V, гл. VIII, ч. 1); «Римляне ходяху, акы стени» (там же); «Стрелы идяху, акы дождь» (кн. II, гл. VII, ч. 11); «А иже утеснишася, ту падаху, акы скот, давяхесея» (кн. V, гл. VIII, ч. 1); «И умножиася, акы стози, мертвых» (кн. IV, гл. VI, ч. 3); «Мятежницы женяху (гонялись) по трупиемь, акы по стогомь, снимахуся (схватывались вруклопашную)» (кн. V, гл. I, ч. 8); «Они же ласкосердствующе на златоимание (римляне), яко же врани на труп» (кн. I, гл. XXXII, добавление); «Народ, акы велико телище, межи ими (мятежниками) смущающесея» (кн. V, гл. I, ч. 2); «Не можемь противитесея римляню, яко и лук спряжен» (кн. II, гл. II, ч. 3, добавление) и т. д.

Образные гиперболические описания кровопролития в Иерусалиме. «И ручьи по граду потекоша кровию» или: «Разноличнаа кровь стояше на святемь месте, акы озеро» (кн. V, гл. I, ч. 3). Гиперболы мы видим и в других местах. Количество трупов после взятия римлянами Иерусалима таково, что «по всему граду не бы лзе где иглы поврещи на голе месте» (кн. VI, гл. VII, ч. 2). Иоанн хвалится перед защитниками Иерусалима, желая убедить их в его неприступности: «яко еще крила възрастуть у римлян и не могут прелезти иерусалимских стен» (кн. IV, гл. III, ч. 2). Эти и многие подобные сравнения, которые нет возможности привести здесь ввиду недостатка места, также свидетельствуют о незаурядном языковом мастерстве переводчика.

Обращают на себя внимание нередко встречающиеся в переводе фразеологические единства, связанные с обозначением тех или иных социальных движений. Так, сочетание «юноши безумии» применяется в смысле «сторонники крайнего революционного действия»: «юноши безумнии на рать разгарахуся» (ср. у А. С. Пушкина: «Сижу ль меж юношей безумных»). Сочетание «възгорится пламень» употреблено переводчиком в смысле «народное восстание»: «преже даже не възгорится пламень» (ср. известное выражение из стихотворения А. И. Одоевского «Из искры възгорится пламя»).

Выразительность многих сравнений и метафор еще усиливается в значительной степени от того, что в них сознательно или стихийно используются звуковые повторы. Например, храм, опорный пункт зилотов под предводительством Иоанна Гисхальского, назван «съхранилище кровавых съкровищ». В знак торжества украшают город, «вешающе по вратом венце радощами» (кн. IV, гл. IV, ч. 3), или по возвращении в город сикарии ликовали, «выюше, акы волци радощами».

Аналогичную же роль играют и стилистические повторы того же слова или того же корня: «акы бесующиесея и акы строком (оводам) устречени» (кн. VII, гл. VIII, ч. 4).

Обычны в переводе украшающие речи риторические воззвания, отсутствующие в оригинале. Так, Иосиф обращается с речью к осажденным в Иерусалиме иудеям и говорит: «Имь же бог, сам бог, и лаки реку, бог наведе на ны римляны» (кн. VI, гл. II, ч. 2).

Первосвященник Иоанн обращается к народу со словами: «И живу, с съдце, и веледушо, и не емлю славныа смерти от своее старости!» (кн. IV, гл. III, ч. 10). Ирод, обвиняя своего сына Александра, сопровождает это такими риторическими приемами. «И съ руже простеръ и

главу отклонь, въпиаше: О земля, о небо, о съльнце! Или можетъ отъцеубиинь обуимати отъца, на него же толика зла съмысливъ. Истлися, нечестивая главо, скрушися, незаконниче!» (кн. I, гл. XXV, ч. 5). В греческом тексте, как и в предыдущем случае, эти патетические воззвания к солнцу, к небу, к земле отсутствуют.

Обращают на себя внимание в переводе и эмоционально насыщенные описания природы, в греческом оригинале читаемые в значительно более сухом и сдержанном изложении. Пейзаж в этих описаниях сливается с изображением людей, преданных своей родине и готовых сражаться и умирать за нее. Так, в кн. III, гл. III, ч. 2 по древнерусскому переводу мы читаем о жителях Галилеи: «Учатся бо измладенства ратному обычаю и умножишася зело, и ни страх обдержит мужь тех, ни земля скудееть людми, поне же суть вся тучна и блегозельна, и всеми садми доброплодными насажена. Устроена же есть вся земьземь. И несть места на ней праздна, но и грады часты, и села, аки звезды, и люди без числа». В проведенное поэтическое изображение родины переводчик несомненно вложил кое-что от себя, и прежде всего свое собственное восприятие родной ему Русской земли. При этом он воспеваеет ее как «страдолюбцеъ», как действенный защитник ее и возделыватель, своим трудом способствующий ее украшению. В приведенном отрывке мы находим не только стилистические, но и идейные параллели созданному впоследствии «Слову о погибели Русской земли». Оба памятника роднит их неподдельное патриотическое воодушевление. Не менее эмоционально насыщены в переводе и остальные пейзажные описания палестинской природы.

Чрезвычайно часты в переводе случаи рифмовки. Эти рифмы или ассонансы связаны с синтаксическим параллелизмом в построении предложений и, по всей вероятности, с параллелизмом ударений. Так, например:

Земное же семя сторицею ражается
от аерски теплоты
и от водныя тукоты.
(Кн. IV, гл. IV, ч. 3).

В этом случае рифмуют между собой существительные с одинаковыми суффиксами и флексиями. Иногда связаны рифмами окончания прилагательных:

И отвергше архиерея сродныя,
и ставяхуть незнаемыя простородныя.
(Кн. IV, гл. III, ч. 6).

Значительно обильнее представлены примеры глагольной рифмы, причем, как правило, рифмуют слова, принадлежащие к одинаковым грамматическим категориям:

Темь Иркан устремляшется,
Но, видя матерь мучиму, ослабляшется;
(Кн. I, гл. II, ч. 4).

Аристовулови бо совѣтницы, бранити хотяху,
Избавити цесаря дерьжаху;
(Кн. I, гл. III, ч. 2).

На которая дела и на которую пищу искльчиваше,
таже с кровию добываше;
(Кн. II, гл. IV, ч. 2).

И беспечальное мне житие подаваше,
и сон храняше?

(Кн. I, гл. XXXII, ч. 2).

Ни иудеи римлянь устращивахутся,
ни римляне трудяхуся;

(Кн. III, гл. VII, ч. 2).

Иудеи камене велики пушаху на ня
и всякым оружием соваху на ня.

(Кн. III, гл. VII, ч. 8).

Нужно заметить, что во многих случаях второй член параллельного построения, и в частности глагол, отсутствует в греческом подлиннике. В отдельных случаях наблюдается рифма, не вполне выдержанная за счет неточного параллелизма при построении предложений. Например:

ведая, яко любима есть жидом,
и противляшется нечестием его,
и за люди моляшется;

(Кн. I, гл. V, ч. 1).

или

и на страх нападаваешь на ня,
и ни труд одолеваешь ня;

(Кн. III, гл. V, ч. 1).

или

и ни страх обдержит муж тех,
ни земля скудеет людий тех.

(Кн. III, гл. III, ч. 2).

Периодическое членение речи, вызываемое параллелизмом синтаксического построения, встречается в переводе и без рифмовки. Например:

Храмы разграблени,
роди иссечени,
жены желеюща,
плачь и рыдание по всему граду;

(Кн. IV, гл. V, ч. 3).

или

И не можаше никако же скотина туда проити,
но токмо единому человеку пешому;

(Кн. VII, гл. VIII, ч. 3).

Вспомняете, яко они нази,
а мы и в оружии,
они пеши,
а мы на коних,
они без наряда,
а мы с нарядомь;

(Кн. IV, гл. VI, ч. 3).

или

Тако утвержден есть чин их,
скоровратно же есть приведение их,
и уши скоры на послушание,
очи же на хоругви зрят,
и руде на сечю готовятъ.
Темь же и скоро творять,
его же хотять,
и язвы даяти,
нежели приимати;

(Кн. III, гл. V, ч. 7).

ИЛИ

Брегомъ бо иди не дасть безводие,
а по морю пристанища несть,
а по рекам порози люти;

(Кн. IV, гл. X, ч. 3).

ИЛИ

Кто боле людии погубить
и боле греха добудеть
и беззаконствують.

(Кн. VII, гл. VIII, ч. 1).

Разобранные нами особенности языка и стиля заметнее и ярче других проявляются в переводе «Истории иудейской войны», однако в какой-то мере они могут быть признаны характерными и для других переводных произведений, восходящих к древнекиевской переводческой школе. Так, перевод «Александрии», в общем достаточно близкий к греческому подлиннику, обнаруживает при более пристальном рассмотрении также следы творческой переработки его со стороны переводчика. Это тоже стремление стилистически распространить текст, сделать его выразительнее и эмоционально насыщеннее. Например, при описании убийства персидского царя Дария его приближенными переводчик говорит о том, что убийцы, спеша с выполнением своего злого умысла, боролись с Дарием, так как последний отличался большой физической силой: «тии бо нечъстивии спроста боряхуся с нимъ, бе бо силен».¹⁶ В греческом тексте в данном случае отсутствует наречие при сказуемом. Древнерусский же текст в первой редакции перевода распространяет сказуемое обстоятельством, выраженным наречием «спроста», которое во второй редакции того же перевода заменяется, по-видимому, равнозначущим наречием «въбързе», т. е. «поспешно». Наряду с элементами стилистического распространения, как и в переводе «Истории», мы находим и сокращения в тех местах, которые переводчику казались менее достойными внимания.

Изучая язык и стиль переводных памятников, мы имеем возможность проследить постепенную эволюцию искусства перевода, усовершенствование этого искусства по мере развития культуры Киевской Руси, по мере развития и усовершенствования самого древнерусского языка. Это особенно ярко выступает при сравнении одних и тех же текстов, переведенных в «Хронике» Георгия Амартола и в «Истории» Иосифа Флавия. Дело в том, что ряд событий мировой истории, в частности относящихся к осаде Иерусалима римлянами в 70 г. н. э., «Хроника» воспроизводит по Иосифу Флавию, тексты которого переданы через посредство «Церковной истории» христианского писателя IV в. Евсевия Кесарийского. Каким бы мы ни считали по происхождению древнеславянский перевод «Хроники» Георгия Амартола, русским ли в соответствии с утверждениями В. М. Истрина или болгарским, лишь отредактированным в Киевской Руси, по мнению его критиков — П. Лаврова, Вейнгардта и др. (к последнему мнению присоединялись также А. И. Соболевский и А. С. Орлов), мы можем лишь отметить разительное различие в отношении языка и стиля между ним и переводом «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия. Насколько первый перевод отличается громоздкостью, запутанностью периодов и предложений, настолько перевод «Истории» блещет ясностью, легкостью, прозрачностью в синтаксических конструкциях, соединяемой с точной передачей смысла подлинника.

¹⁶ В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1894, стр. 69 (Приложение).

Приведем для сравнения лишь одно из параллельных мест, при анализе которого бросается в глаза явное преимущество перевода «Истории».

Перевод «Хроники» Амартола

Во ть же праздник вол, на жертву приведен, роди агнець посредѣ церкви (В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнеславянском переводе, т. I, II т. 1920, стр. 263).

Перевод «Истории»

В той же праздник корова неким приведена бысть на заколение и, посреди църквы стоящи, роди агнець (Рукопись Виленского хронографа, л. 697б).

Приведенный пример является наглядным свидетельством несомненного прогресса в искусстве перевода древней Руси и в совершенствовании литературного языка за время, протекшее между выполнением обоих переводов.

4

В заключение позволим себе сделать несколько замечаний о качестве русского языка в изучаемых нами переводах. Бесспорно, мы находим в них именно древнерусский литературный язык, по существу не отличающийся от того языка, на котором написаны такие оригинальные русские произведения, как Повесть временных лет и «Слово о полку Игореве», как «Поучение» Владимира Мономаха и «Моление» Даниила Заточника. Поэтому мы и считаем необходимым называть этот язык именно древнерусским литературным языком, не касаясь здесь вопроса о самом его происхождении. В нем мы находим органическое соединение живых разговорных восточнославянских и книжных старославянских черт.

Изучение языка переводных памятников в значительной степени обогащает наши представления о богатстве словарного состава древнерусского литературного языка, о разнообразии его выразительных возможностей. Так, в переводе «Истории иудейской войны» для передачи одного и того же понятия, выраженного греческим именем существительным εὐεργετής (благодетель), мы находим пять морфологических и лексических вариантов: благотворьць, благодавьць, благодейць, благотворитель, добродѣець. Для передачи такого понятия, как «воин, строящий пути», имеем следующие эквиваленты: путестроець, путедельць, путестроитель, путестройник.

Часто переводчик прибегает к словотворчеству, пользуется при этом словообразовательными средствами языка. Так, для передачи понятия «зависимое положение второго царского сына» в соответствии с греческим субстантивированным инфинитивом τὸ δευτερεύειν в переводе возникает неологизм-калька «въвторонейство».

В большом количестве мы находим в переводе «Истории» греческую лексику. Иногда это слово, оставленное по какому-либо причинам без перевода и точно соответствующее такому же слову в греческом оригинале. Например, глагольная форма ἀδοξεῖτε (кн. II, гл. XVI, ч. 3) передана в виде слова «адоксите»; мы читаем также «пастофорья» в соответствии с греческим παστοφόριον, и др.

Однако иногда переводчик по своему усмотрению считал необходимым заменять какое-либо классическое греческое слово подлинника аналогичным по значению греческим же словом, но более поздним, разговорным, народным словом византийской эпохи. Так, нередко он заменяет классическое θρίαμβος (триумф) — народно-разговорным «проелиписись» (προέλειψις), φρούραρχος (начальник крепости) — словом «дука», ὄρινητήριον (гавань) — словом «лимень», и т. п. Очевидно, переводчик, в совершенстве

владея не только литературным греческим языком классической эпохи, но и живыми народногреческими диалектами своих современников, жителей Византии, с которыми ему приходилось непосредственно встречаться, смело вводил в языковую ткань своего произведения слова из устной речи простого народа.

Наконец, необходимо еще раз указать на то, что внимательное изучение языка древнерусской переводной письменности киевского периода во многом обогащает наши знания древнерусского литературного языка и помогает лучше уяснить значение многих редких слов и выражений, встречающихся и в оригинальных памятниках древнерусской письменности, как собственно литературного, так и делового содержания. Так, прилагательное «ббръянь», обычно понимаемое в «Слове о полку Игореве» как обозначение бобрового меха, может быть истолковано как обозначение драгоценной шелковой или виссонной ткани. По крайней мере в таком значении прилагательное «ббръянь» и существительное «ббрърь» встречаются в трех независимых друг от друга памятниках переводной письменности: в «Истории» Иосифа Флавия, переведенной с греческого, в книге «Есфирь», переведенной с еврейского, в «Повести об Акире Премудром», по-видимому, переведенной с сирийского.¹⁷

В том же «Слове о полку Игореве» «похытиши» в сочетании «преднюю славу сами похытим» может иметь значение не «насильственно завладеть», а «подхватить», «поддержать что-либо падающее»; подобные значения мы находим для того же глагола в переводе «Истории» и в переводе «Иосиппона».¹⁸

Фразеология, присущая языку переводной письменности, широко распространилась в киевскую эпоху и отразилась даже в деловом письме, и в частности в языке новгородских грамот на бересте. Иногда самый смысл памятника становится ясным лишь при условии привлечения для его истолкования фразеологии переводов. Так, древнейшая грамота № 9, относимая обычно к XI в., до сих пор не может быть удовлетворительно прочитана и понята: спорят даже о том, женщина или мужчина является ее автором.¹⁹ Привлекая сопоставительный материал из памятников переводной письменности, мы можем категорически утверждать, что грамоту эту могла написать только женщина, и притом оставленная мужем жена. Сочетание «пустилъ же мя, а иноую поялъ» может в древнерусских письменных памятниках иметь только одно широко засвидетельствованное значение: «развестись с одной женой и жениться на другой».

Приведем для сравнения ряд текстов древнерусской переводной письменности XI в. В «Александрии» говорилось об Олимпиаде, жене Филиппа, царя Македонского: «прослуло бо ся бяше о неи яко же придетъ Филипъ с воины, сию пустити хоцеть, а иную поятъ». В переводе «Истории» Иосифа Флавия мы читаем о подобных семейных ситуациях: «примати напасти от своая жены, от Мариами, юже поят, пустив первую, Дориду иерусалимляннью» (кн. I, гл. XXI, ч. 1). Заключительная концовка в той же грамоте № 9 — «доеди, добръ сътворя» — также содержит устойчивое словосочетание (в данном случае формулу вежливости), соответ-

¹⁷ Н. А. Мещерский. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве». — Ученые записки ЛГУ, № 198, Серия филологических наук, в. 24. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Л., 1956, стр. 3—9.

¹⁸ Н. А. Мещерский. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958.

¹⁹ См. различные толкования смысла грамоты № 9 в книге: Палеографический и лингвистический анализ новгородских грамот на бересте. Изд. Института языковедения АН СССР, М., 1956, стр. 196.

ствующее аналогичному греческому словосочетанию, известному из текстов папирологии: εἰ ποιεῖν, εἰ πράττειν. Оно соответствует и нашему современному «пожалуйста». Это свидетельствует о том, что автор письма № 9 (женщина) была хорошо грамотна и начитана в литературном языке своей эпохи.²⁰

Таким образом, изучение языка и стиля переводных памятников письменности XI в. является чрезвычайно важным и необходимым для понимания закономерностей общенародного русского литературного языка древнейшего периода.

---

²⁰ Н. А. Мещерский. Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка. — Вестник ЛГУ, т. 2, Серия истории языка и литературы 1958, в. 1, стр. 93—108.